

ГРИША И ТАЙНА МИРА МИРАВОВ

— КНИГА ПЕРВАЯ —

ТРИ ЗНАКА РОССИИ

Иногда дорога домой начинается
с шага в другой мир

Олег Титов

Гриша и тайна мира Миравов

<https://litres.ru/74612858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный поход за кроссовками оборачивается для одиннадцатилетнего Гриши встречей с загадочным компасом. Ночью прибор переносит его в другой Петербург: здесь по Неве плавают удивительные существа, а люди живут бок о бок с миравами, которых Гриша прежде видел только в мультфильмах.

Теперь он мечтает об одном — вернуться к папе. Но путь домой связан с тайной переходов между мирами и прошлым его семьи. Вместе с новыми друзьями, Дашей и Игнатом, Грише предстоит отправиться за тремя знаками, научиться понимать миравов и разобраться, кому можно доверять.

«Гриша и тайна мира Миравов» — история о дружбе, первых самостоятельных решениях и смелости, которая начинается с признания: тебе страшно, но ты готов сделать следующий шаг.

Содержание

Глава 1	Магазин под дождём	4
Глава 2	Утро на другой Неве	12
Глава 3	Восемь мест в футляре	21

Олег Титов

Гриша и тайна мира Миравов

Глава 1 Магазин под дождём

Папа остановился так внезапно, что Гриша врезался носом в его мокрый рукав.

— Пришли? — спросил он.

Они собирались за кроссовками. В витрине, перед которой замер Андрей, кроссовок не было. Там висела игрушка-звонарь: треугольное медное тельце, прозрачное кольцо над головой, четыре тонкие светящиеся кисти. Вокруг теснились необычные фигурки из керамики, коры и речного стекла.

— Грози, — сказал папа.

Он произнёс это так, будто встретил человека, которому давно задолжал письмо. Гриша поправил капюшон. Петербургский дождь шёл одновременно сверху и сбоку. До магазина обуви оставалось два квартала, до домашнего пирога — неизвестно сколько, а папа уже улыбался стеклу.

— Мы с твоим дядей Лёшей после школы бежали смотреть мультфильм о миравах. Помню, однажды телевизор

сломался прямо перед последним боем...

— И ты до сих пор не знаешь, кто победил?

— Потом узнал. Но ту неделю помню лучше самого боя.

На вывеске над дверью было написано «Восьмой знак». Гриша был уверен, что в прошлую субботу здесь продавали лампы. Он любил замечать такие вещи: считал окна, придумывал маршруты трамваев, рисовал в тетради города с мостами на разных уровнях.

Миравы его не интересовали. Когда папа включал старый мультфильм, Гриша обычно уходил строить собственный город.

— На пять минут, — попросил Андрей.

— На настоящие?

— Постараюсь.

У двери звякнул колокольчик. За прилавком женщина с седой прядью собирала деревянную коробку. Увидев Андрея, она положила отвёртку. Папа тоже замолчал. Всего на секунду, но Гриша успел заметить.

— Мы знакомы? — спросил Андрей.

— Возможно, вы уже заходили, — ответила женщина. — Я Елизавета.

Папа покачал головой и направился к полкам. На экране медный мирав пытался стащить у кого-то шапку. Андрей засмеялся, однако смех получился рассеянным. Гриша пошёл вдоль витрин. У самого окна лежал прибор, похожий на компас. У него было восемь граней, стеклянная середина и во-

семь маленьких гнёзд по краям. Внутри стекла виднелся засушенный лист, хотя крышка казалась слишком тонкой, чтобы туда что-нибудь поместилось.

Стрелка повернулась вслед за Гришей. Он шагнул влево. Стрелка повторила движение.

— А это что?

Елизавета обошла прилавок.

— Старая вещь. Пока не продаётся.

Прибор тихо щёлкнул. Лист под стеклом расправился, словно на него подул ветер. Гриша поднёс палец, но не коснулся. За спиной тяжело упала коробка. Андрей стоял среди игрушек и смотрел на компас.

— Уберите его, пожалуйста.

Голос у папы изменился. Так он говорил, когда Гриша однажды выбежал на велосодорожку перед быстрым курьером. Елизавета накрыла прибор ладонью.

— Он проснулся сам, Андрей.

Они оба посмотрели на мальчика.

— Откуда вы знаете папино имя?

Женщина медленно убрала руку.

— Вы назвали его, когда вошли.

Гриша не помнил, чтобы называл. Он хотел возразить, но папа уже придерживал дверь. Кроссовки они купили молча. Только у кассы Андрей спросил, не жмёт ли левый. Гриша ответил, что оба нормальные, хотя правый ещё не надел.

Дома папа долго разговаривал по телефону в коридоре.

До комнаты долетели слова «прибор», «не должен был» и «после стольких лет». Когда Гриша вышел за водой, Андрей быстро закончил разговор.

— Что-то случилось?

— Надеюсь, нет.

— Пап, это плохой ответ.

Вечером Гриша ещё несколько раз возвращался мыслями к магазину, хотя сам себе говорил, что ничего интересного там не было. За ужином папа дважды пересолил суп, а потом поставил сахарницу в холодильник. Обычно Андрей замечал такие вещи первым и смеялся над собственной рассеянностью, но сегодня только нахмурился и снова посмотрел на телефон.

— Ты правда знал эту женщину? — спросил Гриша.

Папа медленно положил ложку.

— Когда-то давно я знал людей, которые занимались необычными вещами. Елизавета могла быть среди них.

— Какими необычными?

— Такими, о которых лучше рассказывать, когда уверен в фактах.

Гриша закатил глаза. Взрослые очень любили превращать простое «да» или «нет» в длинную фразу. Он ушёл в комнату, раскрыл тетрадь и стал рисовать новый район своего придуманного города. Сначала появилась река, потом два моста, потом трамвайное кольцо. Но рука сама вывела на полях восемь маленьких кружков вокруг звезды. Гриша раздражённо

зачеркнул их.

Через десять минут в дверь постучал отец.

— Можно?

— Ты всё равно войдёшь.

— Тогда особенно важно спросить.

Андрей сел на пол рядом с кроватью. В руках у него была старая жестяная коробка из-под печенья. Из неё он достал несколько пожелтевших открыток, значок с изображением реки и фотографию: совсем молодой папа стоял рядом с ещё тремя людьми у деревянного причала. На плече у него сидело маленькое существо с прозрачным кольцом над головой.

Гриша придвинул фотографию ближе.

— Это Грози?

— Не знаю, тот ли самый, — быстро ответил Андрей. — Но он того же вида.

— А почему ты никогда не показывал?

Папа провёл пальцем по краю снимка.

— Потому что часть этой истории мне самому хотелось считать выдумкой.

Гриша не понял, шутит ли он. На обратной стороне фотографии карандашом было написано: «Первая стабильная связь. Набережная. А. Т.». Буквы «А. Т.» были папиными — такими же он подписывал коробки с инструментами.

— Что значит связь?

Андрей забрал снимок чуть быстрее, чем требовалось.

— Завтра расскажу. Обещаю. Только сегодня не трогай

ничего, что могло попасть к нам из магазина.

— У нас ничего нет.

Папа посмотрел на него так внимательно, что Грише стало не по себе.

— Очень надеюсь.

Перед сном Андрей проверил окно, розетки и даже пространство под письменным столом. Гриша спросил, не ищет ли он там чудовище. Папа улыбнулся, но не ответил. Когда свет погас, квартира снова стала обычной: гудела батарея, за стеной кто-то смотрел телевизор, по мокрой улице шуршали машины.

Гриша долго не мог уснуть. Он представлял, как завтра папа наконец объяснит фотографию, женщину из магазина и странный компас. В какой-то момент ему стало стыдно за то, как быстро он убежал от витрин. Возможно, папина любовь к миравам была не просто детским увлечением, над которым удобно подшучивать.

Утром того дня, ещё до магазина, Гриша спорил с папой из-за совершенно обычной вещи — рисунка. Андрей увидел тетрадь с новым городом и предложил добавить туда парк для миравов. Гриша сразу закрыл страницу.

— Почему у тебя всё обязательно про них?

— Не обязательно. Просто подумал, что было бы интересно.

— Это мой город.

Папа поднял руки.

— Твой. Решать тебе.

Теперь, лёжа в кровати, Гриша вспомнил этот разговор. Тогда его раздражало даже само предложение. Он боялся, что папа хочет превратить его увлечение в своё. Но Андрей действительно не дорисовал ничего без разрешения. Просто отступил.

Он снова включил лампу и открыл тетрадь на том рисунке. Между жилыми кварталами оставалось пустое место, где он никак не мог придумать, что поставить. Карандаш сам потянулся к бумаге. Он нарисовал небольшую площадь и странное существо, похожее на звонарь из витрины. Потом тут же стёр половину линий.

— Глупость, — прошептал он, отложил тетрадь и погасил свет.

Он почти заснул, когда услышал первый тихий звон — будто ногтем коснулись края стакана.

Звук повторился.

Потом ещё раз.

Гриша сел в кровати. На этот раз звон шёл не из коридора и не с улицы. Он шёл от письменного стола.

На письменном столе лежал компас. Гриша зажёл лампу. Он совершенно точно не брал прибор. В магазине тот остался под рукой Елизаветы. Однако теперь стрелка дрожала над его тетрадью, и восемь гнезд светились изнутри.

Он потянулся к телефону. Экран включился, и на мгновение в нём отразилась чужая комната: деревянные балки,

открытая дверь, полоска реки.

Компас тихо ответил звоном.

Гриша накрыл его полотенцем. Звон не прекратился. Тогда он перенёс прибор на пол, подальше от кровати. Стрелка продолжала указывать на него.

В коридоре заскрипел пол. Папа не спал. Гриша хотел позвать его сразу, но почему-то задержался. Ему было стыдно признаться, что после всего ворчания именно он сейчас рассматривает вещь из магазина.

В следующую секунду зелёный лист под стеклом шевельнулся.

Стыд исчез. Остался только страх.

— Папа!

Дверь комнаты распахнулась. Андрей шагнул к сыну, протянул руку. Гриша успел разглядеть его лицо и услышать:

— Держись за...

Пол под ногами исчез.

Глава 2 Утро на другой Неве

Первым вернулся холод. Гриша лежал щекой на досках, и сквозь щели тянуло речной сыростью. Где-то стучала незакреплённая ставня. Он открыл глаза. Вместо потолка над ним висела лодка. Старая, перевёрнутая, с облупившимся синим бортом. Рядом на стене сушились верёвки. В дверном проёме светила вода.

— Пап?

Ответом был скрип. Гриша сел. На нём оставались пижамная футболка и спортивные штаны. Ноги были босые. Компас лежал рядом, а под ним — один папин тапок. Эта нелепая вещь испугала его сильнее всего. Значит, папа действительно прибежал. Значит, происходящее не приснилось.

Он схватил тапок и выбежал к двери. За порогом была Нева. На другом берегу стояла Петропавловская крепость, над водой перекликались птицы. Но у причала дремал огромный перевозчик: длинная гибкая шея, спина из нескольких широких живых пластин, на которых крепились два пассажирских кресла. Мимо проехал велосипедист, а вслед за ним прошагало каменное существо на трёх опорных лапах.

Гриша попятился. Телефон показывал шесть сорок две. Связи не было. Он набрал папу, затем экстренный номер, потом снова папу. На экране раз за разом появлялось одно и

то же сообщение. Он сел на ступеньку и крепко сжал тапок.
— Ты с ночной переправы? — спросили сверху.

На дорожке стояла девочка в зелёной куртке. Рядом с ней мальчик придерживал бумажный пакет, из которого выглядывали булочки.

— Нет.

— А почему без обуви?

Гриша посмотрел на свои ноги. Объяснение, которое начиналось с летающего листа, не годилось.

— Я потерялся.

Девочка сразу перестала улыбаться.

— Как тебя зовут?

— Гриша.

— Я Даша. Это мой брат Игнат. Пойдём в центр тренеров. Там помогут связаться с родителями.

Игнат молча протянул булочку. Гриша хотел отказаться, но живот громко заурчал. Тогда мальчик сделал вид, будто ничего не услышал, и достал вторую. Их центр оказался похож на небольшую поликлинику с гостиницей. Дежурная женщина выдала Грише тапочки, плед и стакан тёплой воды. Пока она записывала адрес, розовый мирав за стойкой сортировал полотенца.

— Кто это? — шёпотом спросил Гриша.

— Ладди, — ответил Игнат. — Она вчера спасла мой палец.

Ладди — теплокровный хранитель с мягким шерстяным

панцирем и фонариком-цветком.

— Что случилось?

— Я проверял, закрывается ли дверь быстрее, чем я успеваю его убрать.

Даша толкнула брата локтем. Пока дежурная звонила в справочную, Гриша попросил разрешения выйти в коридор. Он добрался до пустой скамейки, сел и вдруг заплакал — быстро, сердито, закрыв лицо пледом. До этого ему казалось, что достаточно задавать правильные вопросы, и кто-нибудь непременно вернёт всё на место.

Даша не побежала за ним сразу. Через минуту она принесла стакан воды и поставила рядом.

— Я могу уйти, — сказала она. — Или посидеть.

Гриша показал на другой край скамейки. Она села. Не говорила, что всё обязательно будет хорошо. Из соседней комнаты доносился голос Игната: он объяснял дежурной, в каком именно месте они нашли мальчика. За дверью кто-то смеялся, звякали чашки. Этот мир продолжал обычное утро, хотя у Гриши всё закончилось.

— Мне одиннадцать, — вдруг сказал он. — Я уже не маленький.

— Я вижу.

— Тогда почему так страшно?

Даша задумалась.

— Когда мы с Игнатом впервые уехали к маме на станцию, поезд задержался ночью в лесу. Я знала, где мы и кто нас

встретит. Всё равно испугалась. А ты не знаешь даже этого.

Гриша отпил воды. Пить пришлось маленькими глотками: горло никак не слушалось.

— Только не рассказывай ему, что я плакал.

— Игнат умеет хранить такое. Но я не расскажу.

Когда они вернулись, её брат даже не посмотрел на покрасневшие глаза. Просто подвинул тарелку с оставшейся булочкой и спросил, любит ли Гриша корицу. Ответить на этот вопрос оказалось легче, чем на все остальные. По адресу Гриши здесь находился ботанический сад. Фамилию отца в местном справочнике не нашли. А когда дежурная увидела компас, она отодвинула бумаги и вызвала Елизавету Андреевну.

Та приехала через двадцать минут. Это была женщина из магазина. Гриша вскочил так резко, что плед упал на пол.

— Верните меня!

Она остановилась у двери, не пытаясь подойти.

— Я постараюсь.

— Не постарайтесь. Верните! Вы знали, что он делает!

— Знала. И считала, что без внешнего импульса он не сможет никого перенести. Я ошиблась.

Гриша ждал объяснения, которое всё отменит. Скрытой камеры. Папы за дверью. Даже очень неудачной шутки. Елизавета молчала, и от её молчания становилось хуже. Даша подняла плед и положила на стул.

— Мы можем остаться? — спросила она.

Гриша кивнул раньше, чем Елизавета успела ответить. Она рассказала о двух мирах. В одном люди знали мировов по историям и мультфильмам. В другом жили рядом с ними. Очень редко между мирами открывался переход. Много лет назад учёные пытались понять, как сделать такие переходы безопасными.

— Мой папа знает?

— Да.

— Он был здесь?

Елизавета посмотрела на одинокий тапок.

— Был.

Пока Елизавета говорила, Гриша цеплялся за подробности, которые можно было проверить. Он попросил карту. Потом расписание транспорта. Потом показал свой телефон и заставил объяснить, почему часы работают, а сеть — нет. Елизавета не сердилась. Она достала планшет и показала две почти одинаковые схемы Петербурга. На одной были привычные Грише улицы, на другой — дополнительные причалы, станции для мировов-перевозчиков и зелёные коридоры, по которым дикие существа могли проходить через город, не попадая под машины.

— То есть это не будущее? — спросил он.

— Нет.

— И не сон?

— Нет.

— Тогда почему здесь мой город?

Елизавета задумалась, прежде чем ответить.

— Потому что два мира развивались рядом. Иногда одинаковые решения возникали в обоих. Иногда одно событие влияло на другое через переходы. Мы до сих пор не понимаем всего.

Игнат наклонился над картой.

— У нас ещё есть тоннель под Невой, где ездят Рыколо.

— Игнат, — предупредила Даша.

— Что? Это важная транспортная информация.

Гриша почти улыбнулся. Почти. Потом вспомнил, что папа остался в другом мире, и улыбка исчезла.

Елизавета предложила проверить старые базы переходов. Для этого нужно было подтвердить личность Гриши. Он назвал дату рождения, школу, домашний адрес, имя классной руководительницы и даже пароль от домашнего Wi-Fi, хотя последний никому не помог. Домашнему адресу здесь соответствовал участок ботанического сада; школы с прежним названием тоже не оказалось. Ни одного Андрея Титова с нужной датой рождения система не нашла.

Каждый отрицательный ответ звучал как маленькая дверь, которую закрывали перед носом.

Даша предложила выйти на улицу. Они прошли до набережной. Здесь Гриша впервые рассмотрел город не как страшную ошибку, а как место. На остановке рядом с обычными людьми стоял высокий четырёхлапый мирав с корзинами на боках. Пожилая женщина делила с ним яблоко. Над

водой скользили два светлых существа, похожих на плоские воздушные змеи. Рабочий у причала ругался на маленького каменного зверька за то, что тот снова унёс гаечный ключ.

— Они все чьи-то? — спросил Гриша.

— Не все, — сказала Даша. — Некоторые работают с людьми. Некоторые просто живут рядом. Некоторые вообще людей не любят.

— А взять с собой можно любого?

Даша остановилась.

— Нет. Связник не делает тебя хозяином. Он записывает согласие напарников и помогает переносить тех, кому это подходит. Мирав открывает его сам; удержать его внутри нельзя.

Гриша посмотрел на компас. После ночи ему особенно хотелось услышать, что хоть что-то в этом мире нельзя сделать силой.

— Можешь звать меня просто Елизаветой, — сказала она, когда они вернулись в центр. — И на «ты», если так легче.

В кабинете она нашла старый закрытый протокол. На экране появилась строка с фамилией Андрея, но большая часть записи была зашифрована. Разрешение на доступ требовало подтверждения действующего исследователя или участника программы.

— Значит, папа точно был здесь, — сказал Гриша.

— Да.

— И ты это знала сразу.

Елизавета не стала оправдываться.

— Я знала, что он участвовал в программе. Не знала, что прибор выберет тебя.

— Выбрал? Я что, билет в автобусе?

— Плохое слово, — признала она. — Скажем иначе: компас отреагировал на тебя.

Даша и Игнат провели для Гриши маленькую экскурсию по центру, пока Елизавета проверяла архивы. Они показали столовую, комнату отдыха миравов, закрытый двор и стену с объявлениями. На ней висели объявления о потерянных вещах, поиске помощников, соревнованиях и волонтерских дежурствах.

Гриша остановился перед листком: «Найден мирав без хозяина. Хозяина не ищем — ищем прежнее место обитания».

— Почему так? — спросил он.

Даша объяснила, что не каждый мирав, живущий рядом с человеком, кому-то принадлежит. Некоторые просто приходят в город и уходят.

— У нас дома, — начал Гриша и замолчал. Он чуть не сказал «у нас в нормальном мире».

Игнат заметил.

— Здесь тоже нормальный.

— Я не это имел в виду.

— Знаю.

Они вышли во двор. Там два мальчика тренировались с небольшим рогатым миравом. Один давал команды, другой

держал секундомер. Чуть дальше женщина просто сидела на скамейке, а её напарник спал у ног.

Гриша вдруг увидел, что этот мир не крутится вокруг соревнований. Миравы были частью быта — как собаки, транспорт, коллеги и одновременно что-то ещё.

— Папа бы здесь всё время останавливался, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы смотреть.

Он произнёс это без раздражения. И от этого особенно сильно захотелось домой — рассказать отцу, что наконец понял хотя бы одну его привычку.

Когда они вернулись в комнату, Гриша подошёл к окну. На подоконнике лежал тот самый зелёный лист. Он не заметил, когда лист появился. Снаружи, за оградой, мелькнуло широкое прозрачное кольцо. Небольшой медный мирав стоял на мокром камне; его четыре искровые кисти мелко дрожали. На узком перешейке корпуса был повязан потёртый синий платок.

Гриша узнал его сразу, хотя вчера ещё уверял папу, что не интересуется миравами. Грози прижал ладонь к ограде. Елизавета проследила за взглядом мальчика и побледнела.

— Значит, и ты почувствовал, — тихо сказала она.

Глава 3 Восемь мест в футляре

После завтрака Грише принесли одежду со склада центра. Кроссовки оказались велики, зато шнурки были ярко-зелёные. Игнат уверял, что с такими быстрее бегает. Даша велела не слушать его научных открытий. Гриша переоделся и вернулся к Елизавете. Она ждала в кабинете, где пахло бумагой и яблоками. На столе лежал компас, рядом — пустой футляр с восемью углублениями.

— Это тоже для перехода?

— Футляр для знаков. Его дают участникам международного чемпионата.

— Мне не нужен чемпионат. Мне домой.

Елизавета подвинула к нему два одинаковых листа. На одном нарисовала два берега и мост.

— Раньше переход держался на восьми станциях. Три находятся в России, остальные пять — в других странах. Сейчас станции потеряли общую настройку. Твой компас сохранил путь сюда, но обратную дорогу не удержит.

— Почините станции.

— Этим занимаются. Однако для настройки нужен человек, которого компас уже перенёс. Каждый узел должен узнать его заново.

— Почему нельзя просто приехать?

— Можно. Но доступ к измерительной комнате есть у ис-

следователей и у тренеров, успешно прошедших испытание арены. Чемпионат пользуется той же системой регистрации. Знак содержит личную запись победителя.

— А вы? — Гриша ткнул пальцем в рисунок моста. — Вы вчера стояли в нашем магазине. Значит, умеете ходить туда и обратно.

Елизавета достала из ящика маленький погасший маяк.

— У меня была одна заранее проверенная служебная настройка. Я вернулась из магазина ещё вечером, до твоего перехода. Но ночной скачок испортил общий ориентир. Теперь даже этот маяк показывает два разных времени вместо одного.

— В магазине остались люди?

— Нет. Мы закрыли его сразу после вашего ухода. Там только вещи и наружный приёмник. Андрей знает, как им пользоваться.

— Почему просто не дать мне вашу настройку?

— Потому что она запоминала меня, мой путь и момент выхода. Подставить тебя вместо меня — всё равно что отправить письмо по чужому адресу и надеяться, что дома похожи.

Она открыла тетрадь с измерениями. Гриша увидел, что ответы она ищет не только для него: на полях стояли вопросы, даты проверок и несколько перечёркнутых расчётов.

— А если я вообще не захочу сражаться?

— Мы продолжим искать путь. Исследовательский допуск

остаётся настоящей возможностью. Я уже запросила допуск для тебя, но не знаю, сколько займёт рассмотрение. Я не предлагаю тебе выбирать между боями и вечным изгнанием. Но сейчас арены работают, а научная программа почти разобрана. Это дорога, которую можно начать без ожидания чужого решения.

Гриша долго смотрел на погасший маяк. Ему хотелось найти в объяснении дырку, достаточно большую, чтобы пролезть домой. Дырки не находилось.

— Тогда покажите все варианты. Даже плохие.

Елизавета взяла чистый лист и стала записывать. Впервые за утро Гриша почувствовал, что участвует в разговоре, а не просто слушает приговор.

Этот ответ понравился Грише больше, чем обещание лёгкого пути. Он спросил, можно ли хотя бы отправить папе сообщение. Елизавета показала старый радиоприёмник.

— Попробуем через первую станцию. Мы уже сообщили людям по ту сторону, что переход сработал. Но подтверждения от Андрея ещё нет.

Гриша долго рассматривал футляр. Восемь знаков давали допуск к финалу международного чемпионата. Сам финал проходил позднее, после отборочного маршрута. Получить знаки и стать чемпионом было совсем не одним и тем же. Елизавета объяснила это дважды: Гриша упорно хотел превратить длинную дорогу в простую задачу с восьмью клеточками.

Даша показала собственную карточку ученицы центра. Она изучала поведение миров и собиралась стать полевым исследователем. Игнат мечтал чинить оборудование арен. Их мать работала на выездной станции, а Елизавета была её давней коллегой и отвечала за ребят в этой поездке.

— Мы всё равно едем в Москву, потом в Казань, — сказала Даша. — Если решишься, поедем вместе.

— Вы меня даже не знаете.

— Пока знаю, что ты ешь булочки очень быстро, — ответил Игнат. — Для путешествий полезное качество.

Гриша впервые за утро улыбнулся. Потом они вышли во двор. Грози ждал за оградой. Увидев Елизавету, он отступил. Когда же подошёл Гриша, наклонил кольцо и протянул одну кисть.

— Он чей?

— Сейчас ничей, — сказала женщина. — Живёт у старой лодочной станции. Приходит, когда слышит знакомый сигнал.

— Почему вы не заберёте его в центр?

— Мы предлагали. Он не остаётся.

Вернувшись в кабинет, Елизавета показала Грише футляр подробнее. Восемь углублений были разной формы: волна, две соединённые линии, полумесяц и ещё пять знаков, которые он пока не узнавал. Крышка изнутри была покрыта тонкими дорожками, похожими одновременно на карту метро и рисунок листовых жилок.

— Восемь знаков существовали ещё до чемпионата, — объяснила она. — Сейчас их чаще воспринимают как спортивный допуск. Но первоначально они подтверждали, что человек умеет работать с миравами в разных условиях: вода, город, лес, высота, жара, холод, сложная командная работа.

— То есть чемпионат просто забрал старую систему?

— Скорее вырос из неё.

Гриша приложил палец к первому пустому гнезду. Никакой магии не произошло.

— И если собрать восемь, дверь домой откроется?

— Я этого не говорила.

— Но папа собирал?

Елизавета помолчала.

— У него были знаки. Не все. Он работал с переходами как инженер, а не как спортсмен.

Гриша почувствовал знакомое раздражение: каждый ответ немедленно порождал два новых вопроса. Он записал их в тетрадь. Даша, заглянув через плечо, увидела список и предложила разделить страницу на «что знаем» и «что предполагаем».

— Иначе через неделю начнёшь считать предположение фактом, — сказала она.

— Ты всегда так делаешь?

— После Игната — да.

— Я однажды предположил, что чердак выдержит ванну с водой, — с достоинством сообщил брат.

— Вот именно.

Они составили первую таблицу. Факты: Андрей был в этом мире. Он знал Елизавету. Компас принадлежал старой программе. Грози откликнулся на появление компаса. Предположения: папа мог оставить Грози специально; личная запись в знаках могла помочь настроить обратный путь; кто-то ещё знал, что компас активировался.

Последний пункт Грише не понравился.

Елизавета отвела их в хранилище. Там за стеклом лежали старые связники, сломанные датчики, карты, записные книжки. Один стенд был посвящён правилам безопасности. Гриша прочитал их дважды. «Не открывать нестабильный переход при наличии живого существа в зоне резонанса». «Не использовать мирава как источник энергии без добровольного согласия». «При расхождении координат остановить процедуру».

— Эти правила появились после ошибок? — спросил он.

Елизавета кивнула.

— Большинство хороших правил появляются именно так.

На одной фотографии Гриша снова увидел молодого отца. Андрей стоял у кольцевой рамы рядом с Грози и маленьким существом в кольце древесных часов; вокруг кольца виднелись стеклянные лепестки. Подпись была обрезана, но сохранилось слово «Тикли».

— Кто это?

Елизавета сняла фотографию со стенда.

— Мирав, который умел чувствовать границы переходов.
После закрытия программы исчез.

— А Грози?

— Остался здесь.

Когда они закончили таблицу фактов и предположений, Даша предложила третью колонку: «что можно проверить прямо сейчас».

Гриша сначала не понял зачем.

— Чтобы вопросы не превращались в бесконечный список, — объяснила она.

Они прошлись по пунктам. Частоту компаса можно сравнить с архивом станции. Подпись на фотографии — с сохранившимися записями. А вот узнать, почему Тикли исчез, прямо сейчас нельзя.

— Значит, откладываем, — сказала Даша.

— Ненавижу откладывать.

— Я заметила.

Игнат предложил ещё одну колонку: «что можно разобрать отвёрткой». Ему запретили.

Гриша переписал таблицу аккуратно. Впервые после перехода у него появилось ощущение, что тайна хоть как-то помещается на листе. Не решена, но разделена на части.

Елизавета закончила разговор с архивистом и увидела схему.

— Андрей делал так же, — сказала она.

— Таблицы?

— Нет. Рисовал проблему, когда не мог её понять. Только у него стрелок было в три раза больше.

Гриша улыбнулся против воли.

Елизавета принесла копию старой карты станций. Восемь точек шли не по прямой, а цепочкой через разные страны. На российской части были три: Петербург, Москва и Казань.

— Поэтому три знака здесь? — спросил Гриша.

— Три российские арены стоят у этих узлов. А как появились остальные участки системы, мы ещё проверим.

Гриша отметил три города на своей карте. Путь домой получил не только направление, но и расстояние. Они снова вышли во двор.

Гриша присел. Грози смотрел на папин тапок, который мальчик всё ещё держал под мышкой. Осторожно коснулся ткани, зажмурился, затем резко отвернулся. В стороне хлопнула калитка. Двое рабочих несли к реке металлическую клетку с рулоном кабеля. Грози насторожился и скрылся за кустами.

Мужчины остановились у поворота. Один проверил телефон, второй несколько раз оглянулся на окна центра. Обычные рабочие, наверное, тоже могли оглядываться. Гриша заставил себя не делать вывод только потому, что ему было страшно.

Он спросил Елизавету, где здесь обычно ремонтируют лодки. Она указала на другой причал, дальше по реке.

— А клетка им зачем?

Теперь женщина тоже посмотрела внимательнее. Гриша почувствовал странное облегчение: он не знал этот мир, но умение замечать детали осталось с ним. То самое, за которое папа хвалил его городские рисунки, когда находил на них маленькую лестницу или запасной мост.

На рукаве одного рабочего Гриша заметил эмблему: разомкнутое кольцо, перечёркнутое молнией.

— Это ремонтники? — спросил он.

Елизавета нахмурилась.

В этот момент за стеной коротко пискнул датчик. Компас в руках Гриши ответил дрожью. Стрелка повернулась к реке.

Елизавета немедленно закрыла шкаф.

— Никуда один не идёшь.

— Я и не собирался.

Игнат посмотрел на него.

— У тебя лицо человека, который уже идёт.

Гриша хотел возразить, но был вынужден признать: лицо его выдало. Они вернулись в коридор. На камере у причала появились двое мужчин в серой рабочей одежде. Один тащил клетку, второй — тяжёлый ящик с кабелем.

— На сегодня работ не назначали, — сказала Елизавета.

Она достала телефон. Гриша уже двигался к калитке. Даша догнала его и придержала за плечо.

— Вместе. И сначала скажем, куда идём.

Он хотел огрызнуться, но кивнул. В этом мире он пока не знал даже того, какие здесь бывают рабочие.